

К ВОПРОСУ ОБ АУТЕНТИЧНОСТИ РЕЧИ АГЕЛАЯ В НАВПАКТЕ

**С.К. СИЗОВ¹,
Н.Ю. СИВКИНА²**

¹*Нижегородский коммерческий институт*

²*Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского*

e-mail: siny@uic.nnov.ru

В 217 г. до н.э. в Навпакте был заключен мир между Этолийской федерацией и Эллинской лигой. Полибий пересказывает речь этолийца Агелая, которая повлияла на позицию всех участников переговоров. Поэтому вопрос об аутентичности этой речи имеет весьма существенное значение. Агелай действительно имел причины для выступления за мир. Но для Полибия конференция в Навпакте была началом «сцепления» событий на Востоке и Западе.

Ключевые слова: Македония, Греция, эллинизм, политика.

В 220–217 гг. до н.э. в Греции шла Союзническая война между Эллинской лигой, возглавляемой македонским царем Филиппом V, и Этолийской федерацией. Успешные операции македонского царя в Пелопоннесе и Фтиотиде, разорение религиозного и политического центра этолийцев в Ферме поставили Этолию и ее союзников в чрезвычайно тяжелое положение. По словам Полибия, летом 217 г.¹ Филипп был настроен продолжать столь удачно складывавшуюся для него войну, когда получил известие о победе Ганнибала при Тразименском озере. Один из приближенных царя, Деметрий Фаросский, дал ему совет прекратить военные действия в Греции и бросить силы на Запад, где после поражения римлян открывалась заманчивая возможность покорения Италии, а затем – и всего мира. Увлечшись этой идеей, Филипп дал этолийцам понять, что не возражает против мирных переговоров. После предварительных консультаций состоялась мирная конференция близ Навпакта (Polyb. V. 101–103). Самой примечательной на этой конференции была речь этолийца Агелая, обращенная к царю и его союзникам. Ее прямое изложение приводит Полибий (Polyb. V. 104): «Он говорил, что для эллинов должно быть всего желаннее никогда не воевать друг с другом, что они должны вознести богам великую благодарность, если, пребывая в полном согласии, ...они в состоянии будут отражать общими силами нашествие варваров и спасти свои жизнь и свои города. Если же вообще это невозможно, то он желал бы, чтобы, по крайней мере, на этот раз они соединились между собою и оберегали друг друга в такое время, когда на западе встали сильные полчища, и возгорелась великая война. И теперь уже для всякого ясно...что, восторжествуют ли карфагеняне над римлянами, или римляне над карфагенянами, победитель ни в каком случае не удовольствуется властью над италийцами и сицилийцами, что он будет простирает свои замыслы и поведет свои войска далеко за пределы, в каких подобало бы ему держаться. Поэтому навпактиец Агелай убеждал всех, наипаче Филиппа, принять меры против грозящей опасности. Благоразумие внушает, чтобы он перестал обессиливать эллинов и тем готовить в них легкую добычу для злоумышляющего врага, чтобы он, напротив, берег их как самого себя и вообще заботился о них, как о своем собственном достоянии. Таким способом действий, говорил он, Филипп стяжает себе благоволение эллинов и найдет в них преданных пособников в своих предприятиях; тогда и иноземцы будут меньше посягать на его владычество, устрашаемые верным союзом с ним эллинов. Если царь стремится к приумножению своих владений, то он советует ему обращать взоры на запад и зорко следить за нынешними войнами в Италии, дабы в положении мудрого наблюдателя выждать удобный момент и попытаться добыть себе всемирное владычество. Настоящий момент благоприятствует таким стремлениям. Распри и войны с эллинами он убеждал царя отложить до времен более спокойных и позаботиться больше всего о том, чтобы сохранить за собой возможность заключать с ними мир или воевать по своему желанию. «Если царь допустит только, чтобы поднимающиеся теперь с за-

¹ Здесь и далее все даты – до н.э.

пада тучи надвинулись на Элладу, то следует сильно опасаться, как бы у всех нас не была отнята свобода мириться и воевать и вообще устраивать для себя взаимные развлечения, – отнята до такой степени, что мы будем вымаливать у богов как милости, чтобы нам вольно было воевать и мириться друг с другом, когда хотим, и вообще решать по-своему наши домашние распри» (пер. Ф.Г. Мищенко).

Вопрос об аутентичности этой речи имеет весьма существенное значение. С одной стороны, речь Агелая, по словам историка, явилась едва ли не главным побудительным фактором для заключения мира, поскольку она полностью соответствовала настроениям Филиппа и серьезно повлияла на позицию других участников переговоров (Polyb. V. 105. 1), а также многих этолийцев (V. 107. 3–5). Отсюда вытекает тот вывод, что главная причина прекращения Союзнической войны – неожиданный поворот событий в Италии, а вовсе не положение, сложившееся на балканском театре военных действий. Если это действительно так, то Полибий (V. 105. 3–5) прав, утверждая, что именно с этого момента ход истории в различных регионах мира начинает сливаться воедино, происходит переплетение судеб восточных и западных народов. Тем не менее, может возникнуть сомнение в том, что события II Пунической войны могли оказать столь решающее влияние на ход войны в Греции, которая пока никоим образом не была вовлечена в конфликт двух держав на Западе. С другой стороны, вопрос об историчности речи Агелая связан с общей оценкой достоверности данных этого автора, по крайней мере, тех, которые представлены в речах героев его произведения. Известно, что Полибий не одобрял Филарха и других историков за риторические упражнения и включение в текст исторического повествования фиктивных, вымышленных речей. Ахейский историк неоднократно останавливается на самих принципах использования речей в историописании: историк при составлении речи должен выбирать самое существенное среди массы материала; он может сократить ее, чтобы сконцентрироваться на предметах наибольшей важности, может пользоваться собственной фразеологией; но историк не имеет права исказить смысл того, что было сказано на самом деле, фактическое содержание и главные аргументы должны быть сохранены (Polyb. II. 56. 10; III. 20. 1; XII. 25; XXIX. 12. 9–10; XXXVI. 1. 2–7). Впрочем, Полибий далеко не всегда соблюдал провозглашенные им самим же принципы историописания. Очевидно, что и он мог вводить в речи персонажей собственные мысли и идеи². Важность поднятой здесь проблемы заключается в том, что признание речи Агелая полностью вымышленной может дать повод усомниться и в отношении всех остальных свидетельств ахейского историка, содержащихся в речах его персонажей. Поэтому дискуссии вокруг выступления Агелая не утихают до сих пор.

Долгое время текст речи Агелая у Полибия признавался близким к подлинному³. Исследователи были склонны верить Полибию, прежде всего, благодаря его репутации серьезного и надежного источника, а также, принимая во внимание те правила, которые сам Полибий установил относительно включения речей в исторические сочинения. Иногда приводились и более конкретные аргументы. Так, В. Тарн напомнил о враждебном отношении Полибия к этолийцам, полагая, что если бы такая страстная панэллинская речь не была настоящей, историк никогда не вложил бы ее в уста этолийца⁴. П. Педек не усомнился в подлинности речи, назвав ее «пророческой»⁵. Ф. Уолбэнк полагает, что греки едва ли сознавали неминуемость римского вторжения в Элладу вскоре после

² См., например: Самохина Г.С. Полибий: эпоха, судьба, труд. СПб, 1995. С. 102–113; Pedech P. La methode historique de Polybe. Paris, 1964. P. 254–255; Walbank F.W. Speeches in Greek historians. Oxford, 1965. P. 18; Sacks K.S. Polybius on the Writing of History. Berkeley and Los Angeles, 1981. P. 80–92; Grant M. Greek and Roman Historians: Information and Misinformation. N.Y., 1995. P. 48; Luce T.J. The Greek Historians. L., 1997. P. 129.

³ За подлинность речи, например, высказываются: Niese B. Geschichte der griechischen und makedonischen Staaten seit der Schacht bei Chaeroneia. Tl. 2. Gotha, 1899. S. 460; Tarn W.W. The Greek Leagues and Macedonia. // CAH. Vol. 7. 1928. P. 768; Walbank F.W. A historical commentary on Polybios. Vol. 1. Oxford, 1957. P. 629; Pedech P. Op. Cit. P. 264–268; Deininger J. Der politische Widerstand gegen Rom in Griechenland 217–86 v. Chr. Berlin–N.Y., 1971. S. 25–27; Deininger J. Bemerkungen zur Historizität der Rede des Agelaos 217 v. Chr. (Polyb. 5, 104) // Chiron. Vol. 3. 1973. S. 103–108; Golan D. The Res Graeciae in Polybius. Como, 1995. P. 55–74.

⁴ Tarn W.W. Op. cit. P. 768.

⁵ Pedech P. Op.cit. P. 264.

завершения войны с Ганнибалом, но допускает, что некоторые из греков могли верить в это; метафора о тучах с запада является отголоском существовавших у них опасений⁶. Еще более убежден в аутентичности речи Ю. Дайнингер, который доказывает, что идея панэллинского союза против римлян была весьма популярна в то время, а речь Агелая отражает подлинную антиримскую пропаганду, характерную для 217–199 гг.⁷ Впрочем, обычно сторонники подлинности речи Агелая не забывают сделать оговорку: выступление этолийца, конечно, не цитируется дословно; высказанные им положения Полибий подверг литературной обработке и расцвел риторическими красками.

Против этого господствующего мнения выступил О. Меркхольм⁸. Он категорически отказался признать речь Агелая аутентичной, приведя следующие аргументы: во-первых, в 217 г. о римской угрозе в Греции еще никто не думал, идея сцепления событий на Западе и на Востоке (Polyb. I. 3. 4; IV. 28. 5; V. 31. 4–5; V. 104. 4–9) – кабинетная теория Полибия; во-вторых, упоминание в речи Агелая о карфагенской угрозе (V. 104. 3) еще более неправдоподобно и является следствием рассуждений историка о неизбежности завоевания мирового господства победителем во второй Пунической войне (Polyb. I. 3. 6; XV. 9. 2; XV. 10. 2); в-третьих, слишком много элементов сходства, включая упоминание о «тучах», прослеживается между этой речью и панэллинскими речами Ликиска и Фрасикрата (Polyb. IX. 37–39; XI. 4–6), хотя они были произнесены в совершенно иное время и по другому поводу; в-четвертых, бросается в глаза резкий контраст между наступательными (возможность мирового господства, открывающаяся перед Македонией) и оборонительными (страшная угроза с Запада) мотивами, присутствующими в выступлении Агелая⁹. Затем в том же духе высказался и Н. Хэммонд, который заметил, что Агелай не мог с такой невероятной проницательностью предвидеть будущее, поскольку в 217 г. события на Западе еще никак не затрагивали интересов балканских греков. Историк знал лишь о направленности речи, т.е. о призывах Агелая к заключению мира, а аргументацию оратора домислил сам¹⁰. Скептическое отношение к подлинности речи Агелая высказал также Э. Грюн, который подчеркнул малую вероятность того, что в 217 г. в Греции кто-то верил в опасность со стороны Рима. Впрочем, Э. Грюн не склонен, подобно Меркхольму, обвинять Полибия в сознательной фальсификации истории: настоящая речь Агелая, возможно, на самом деле содержала в себе какие-то упоминания о войне в Италии, а историк придал этим высказываниям тот смысл, который соответствовал его собственной концепции¹¹.

Особую позицию занял американский исследователь К. Чемпион, который подчеркнул, что вопрос о подлинности речи Агелая нельзя решать однозначно: в ней могли быть и положения, действительно прозвучавшие на мирной конференции, и слова, вложенные в уста оратора самим Полибием ради подтверждения своих собственных исторических оценок. Например, призыв Агелая к Филиппу начать борьбу за мировое господство является сомнительным с учетом исторических обстоятельств того времени, но полностью соответствует полибиевой характеристике личности македонского царя, молодого, амбициозного, постепенно начинающего проявлять дурные качества под влиянием таких советчиков, как Деметрий Фаросский, и уже готового на опаснейшие авантюры. При этом К. Чемпион старается показать, что подобный метод составления речей вовсе не противоречит общим установкам Полибия, который допускал, что историк может вложить в уста оратора то, что, по его мнению, могло быть сказано в данное время и при данных обстоятельствах (Polyb. XII. 25. 3–8)¹².

⁶ Walbank F.W. Selected papers. Studies in Greek and Roman history and historiography. L.–N.Y., 1985. P. 257.

⁷ Deininger J. Der politische Widerstand ... S. 25–27.

⁸ Morkholm O. The Speech of Agelaus at Naupactus 217 B.C. // *Classica et Mediaevalia*. Vol. 28. 1967 (ersch. 1970). P. 240–253; Morkholm O. The Speech of Agelaus again // *Chiron*. Vol. 4. 1974. P. 127–132.

⁹ Morkholm O. The Speech of Agelaus at Naupactus 217 B.C. P. 240 ff. Критика его точки зрения: Deininger J. Bemerkungen zur Historizität der Rede des Agelaos... S. 103–108. Контраргументы: Morkholm O. The Speech of Agelaus again. P. 127–132.

¹⁰ Hammond N.G., Walbank F.W. A history of Macedonia. Vol. 3. Oxford, 1988. P. 391.

¹¹ Gruen E.S. The Hellenistic world and the coming of Rome. Vol. 1–2. Berkeley–Los Angeles–L., 1984. P. 322–325.

¹² Champion C. The nature of authoritative evidence in Polybius and Agelaus' speech at Naupactus // *Transactions of the American Philological Association* Vol. 127. 1997. P. 111–128.

Рассматривая аргументы и контраргументы участников дискуссии, можно прийти к выводу, что некоторые вопросы, связанные с данной проблемой, пока не могут найти удовлетворительного решения. Во-первых, нет никаких достоверных данных, которые позволили бы определить, каким источником (или источниками) информации пользовался Полибий. Ф. Уолбэнк предположил, что в основе данного пассажа Полибия лежит некая запись, сделанная современником событий (*contemporaty record*)¹³. Возможно, это были записи Арата, который присутствовал на мирной конференции (Polyb. V. 103. 1) и, разумеется, слышал речь Агелая. К этому перечню следует добавить и сочинения придворных историков Филиппа V, которые Полибий изучал, хотя и был невысокого мнения об их тенденциозных оценках событий, которые сводились к неизменным похвалам в адрес царя (Polyb. VIII. 8. 5–8). Однако, К. Чемпион настаивает на том, что ахейский историк опирался главным образом на устную традицию. «Полибий жил и писал», замечает он, «в обществе наполовину устной культуры, преимущественно неграмотном. Греческая теория исторического источника, насколько мы можем ее реконструировать, не оценивала слишком высоко письменные документы»¹⁴. В этих словах есть определенный резон, хотя автор явно недооценивает значение письменной традиции для Полибия. В любом случае надо считаться с возможностью того, что содержание речи Агелая дошло до историка в устном предании и, как часто бывает в таких случаях, в значительно искаженном виде.

Второй вопрос, который также остается без ответа: могли ли балканские греки уже в 217 г. представлять себе значение только начинавшейся II Пунической войны для судеб всего Средиземноморья? Единственным источником, позволяющим оценить степень интереса греков к событиям на Западе, является все тот же рассказ Полибия. Исследователи, считающие этот пассаж достоверным, обычно подкрепляют свои утверждения упоминаниями о знакомстве балканских греков с военной мощью Рима еще со времени походов Пирра, о тесных контактах между ними и западными греками, в частности, массалиотами, сообщения которых о событиях на Западе могли породить в Греции тревожные настроения; наконец, о недавней демонстрации военной силы Рима в соседней Иллирии¹⁵. Скептически настроенные исследователи обращают внимание на тот факт, что ни одно из ведущих государств Греции (Коркира и другие соседи иллирийцев не в счет) до сих пор не было вовлечено, ни прямо, ни косвенно, в какие либо конфликты с участием Рима и Карфагена. Как пишет Э. Грюн, «для большинства греков Рим был далек и не являлся предметом озабоченности или даже особого внимания». Исключение составляли немногие интеллектуалы, которых интересовала главным образом история происхождения римлян¹⁶. Столь различные оценки возможных настроений в Элладе в эти годы имеют под собой, главным образом, субъективную подоплеку. Объективных данных, которые могли бы помочь разрешить этот спор, пока нет. Таким образом, версию о том, что речь о «туцах с Запада» отражала реальные опасения известной части греческих политиков, нельзя категорично отвергать, но нельзя и следовать ей безоглядно.

С большей степенью уверенности можно утверждать, что некоторые положения в речи Агелая явно не отвечали исторической обстановке того времени и представляют собой, скорее всего, позднейший домысел. Это касается прежде всего адресованных Филиппу призывов «выждать удобный момент и попытаться добыть себе всемирное владычество» (Polyb. V. 104. 7). Принимая во внимание предшествовавшие и следовавшие события, исследователи в подавляющем большинстве склоняются к тому выводу, что единственной реальной перспективой для Филиппа V в данный момент было наступление в Иллирии с целью уничтожения всякого римского влияния по эту сторону Адриатического моря¹⁷. С точки зрения интересов Этолийского союза установление маке-

¹³ Walbank F.W. Philip V of Macedon. Cambridge, 1940. P. 66; Walbank F.W. A historical commentary... Vol. 1. P. 629.

¹⁴ Champion C. The nature of authoritative evidence in Polybius... P. 115.

¹⁵ См., например: Walbank F.W. Macedonia and the Greek Leagues. P. 481.

¹⁶ Gruen E.S. Op.cit. P. 325.

¹⁷ Беликов А.П. Рим и эллинизм: проблемы политических, экономических и культурных контактов. Ставрополь, 2003. С. 61; Хабихт Х. Афины. История города в эллинистическую эпоху / Пер. с нем. Ю.Г. Виноградова. М., 1999. С. 188; Will E. Histoire politique du monde hellénistique.

донского контроля над иллирийским побережьем представляло бы собой меньшее из зол, так что обещания всяческого содействия со стороны эллинов, в том числе, очевидно, и этолийцев, могли относиться именно к возможной иллирийской кампании. Едва ли Агелай мог рассчитывать на сочувствие слушателей, если бы прямо предложил грекам проливать кровь в Италии ради завоевания Филиппом мировой гегемонии.

Наконец, следует обратить внимание на панэллинские мотивы, звучащие в речи Агелая. Подобные призывы к объединению греков перед лицом иноземной угрозы – не редкость в греческой политической и историографической риторике. Достаточно напомнить о переданной Фукидидом речи Гермократа в Геле в 424 г. (Thuc. IV. 59–64), о речи «Филипп» Исократ (особенно V. 119 и 127)¹⁸. У самого Полибия такие же мотивы звучат в речи акарнанского посла Ликиска перед спартанцами в 210 г. (Polyb. IX. 37–39), родосца Фрасикрата, выступающего в этолийском собрании в 207 г. с целью склонить Этолию к миру с Филиппом (Polyb. XI. 4–6), македонских послов в Этолийский союз в 199 г. (в передаче Liv. 31. 29. 12 sqq.). Одни исследователи признают эти более поздние речи риторическими композициями историка, построенными по образцу реально прозвучавшей речи Агелая, другие настаивают на их аутентичности¹⁹. Как бы то ни было, идея панэллинского единения ради борьбы с варварами, высказанная в речи Агелая, не являлась чем-то необычным и неожиданным. Некоторое удивление, на первый взгляд, может вызвать сама личность оратора. С одной стороны, не очень уместным выглядит призыв к прекращению внутригреческих распрей со стороны представителя этолийцев, которые, по мнению Полибия, были главными инициаторами всех конфликтов в Элладе того времени, включая Клеоменову и Союзническую войну; сами цветистые рассуждения о ценности эллинской свободы и общности исторических судеб греков мало соответствуют представлению Полибия об этолийцах как о нецивилизованной народности, не склонной уважать ни эллинские обычаи, ни святыни, ни культуру²⁰. С другой стороны, поборником мира и панэллинского единства выступает человек, который активно участвовал в боевых действиях в годы Союзнической войны и был лично причастен к событиям, которые спровоцировали ее начало (Polyb. IV. 16. 10–11; V. 3. 1).

Тем не менее, именно эти соображения могут служить косвенным подтверждением той точки зрения, что речь Агелая, хотя и не совсем в той форме, в которой она приведена на страницах «Всеобщей истории» Полибия, была произнесена в действительности. Во-первых, лозунги панэллинского единения и свободы вовсе не были чуждыми этолийцам. Достаточно напомнить, что на протяжении почти ста лет они контролировали такое панэллинское объединение, как Дельфийская амфикифия, и извлекали все возможные пропагандистские выгоды из этого обстоятельства. Призывы Агелая к объединению эллинов для организации отпора варварам и спасения страны от угрозы извне могли выглядеть вполне естественно в устах представителя того народа, который внес немалый, может быть, решающий вклад в дело разгрома кельтов, вторгшихся в Грецию в 279 г. и пытавшихся захватить и разграбить Дельфы²¹. Тезис об

2-eme. ed. T. 2. Nancy, 1979. P. 65; Fine J. Macedon, Illyria and Rome, 220–219 B.C. // JRS. Vol. 26. 1936. P. 38–39; Walbank F.W. Aratus of Sicyon. Cambridge, 1933. P. 152.

¹⁸ О поиске выхода из кризиса полиса и предложениях Исократ см., например: Гафуров Б.Г., Цибукидис Д.И. Александр Македонский и Восток. М., 1980. С. 50 слл.; Шифман И.Ш. Александр Македонский. Л., 1988. С. 11 слл.; Фролов Э.Д. Панэллинизм в политике IV века до н.э. // Античная Греция. Т. 2. М., 1983. С. 164 слл.; Тарн В. Эллинистическая цивилизация / Пер. с англ. М., 1949. С. 90.

¹⁹ Ф. Уолбэнк, например, признает подлинность всех этих речей: Walbank F.W. A historical commentary... Vol. 1. P. 629; Vol. 2. P. 163, 275. П. Педек полагает, что подлинной была лишь речь Агелая, остальные полностью сконструированы историком по ее образцу: Pedech P. Op. cit. P. 264, 265, 268–270.

²⁰ Polyb. II. 3. 3; 4. 6; 43. 9; 45.1; 46. 3; 49. 3; III. 3. 3; 7. 1–3; IV. 3. 1–5; 67. 4; V. 81. 1; IX. 38. 6; X. 41. 1; XIII. 1. 1; XVIII. 4. 1; 34. 1; 39. 1–2; 45. 1–2; 48. 7; XXX. 11. 1–5.

²¹ См. подробнее: Сизов С.К. Федеративное государство эллинистической Греции: Этолийский союз. Н. Новгород, 1990. С. 17–26; Flaceliere R. Les Aitolians a Delphes. Paris, 1937; Nachtergaeel G.

освобождении греков от иноземного господства звучал в речах этолийцев и в годы I Македонской (Polyb. IX. 28–31, с антимакедонским подтекстом), и в годы Сирийской войны (Polyb. III. 7. 3, с антиримским подтекстом). Полибий, безусловно, передавал подлинное содержание этолийских призывов, иногда, как в случае с Агелаям, воздерживаясь от оценок, а иногда и высказывая свое отношение к словесной борьбе этолийцев за свободу Эллады. Этолийцы активно использовали панэллинские лозунги в своей политике, особенно в тот период, когда они контролировали Дельфийскую амфикионию.

Что касается Агелая, то его выступление с подобной речью не было неожиданным ни для этолийцев, ни для представителей других греческих государств, присутствовавших на конференции в Навпакте. Агелай к тому времени был уже опытным и известным политиком. До Союзнической войны он дважды занимал высший пост в Этолийской федерации – должность союзного стратега (IG. IX. 12. 1. 4c). Обращает на себя внимание тот факт, что в этот период, по крайней мере, в год второй стратегии Агелая, Этолия поддерживала мирные отношения с Македонией²², а в годы Союзнической войны федерацией руководили уже другие люди²³. Нет никаких оснований считать, что Агелай был последовательным противником Доримаха, Скопаса и других этолийских предводителей, гл. обр., уроженцев города Трихония, которые ввергли Этолию в конфликт с Македонией и Эллинской лигой²⁴; само его активное участие в боевых действиях под началом тех же Доримаха и Скопаса с самого начала войны свидетельствует о его лояльности в отношении нового руководства. Тем не менее, летом 217 г. сложились такие обстоятельства, которые заставили Агелая вновь выйти на авансцену, выступить с миролюбивой речью на переговорах в Навпакте, а затем вернуться к руководству и уже в роли стратега 217/6 г. сдерживать воинственные поползновения тех этолийцев, которые были недовольны мирным договором и стремились к возобновлению грабительских походов на соседей (Polyb. V. 107. 5–7).

Очевидно, сам Агелай и его сторонники представляли интересы тех этолийских общин, которые подвергались наибольшей опасности в случае продолжения войны. В отличие от городов, расположенных в глубине внутренней, горной части Этолии, например, Трихония – родины Доримаха и Скопаса, полисы приморской полосы на северном берегу Коринфского залива могли в любой момент ожидать удара со стороны Пелопоннеса, где у Филиппа V и ахейцев были собраны значительные силы. Судьба Фтиотидских Фив, совсем недавно взятых Филиппом, должна была служить для жителей этих общин грозным предостережением²⁵. Вполне мог испытать судьбу Фив и Навпакт, родной город Агелая, достаточно древний полис с хорошей гаванью, расположенный в стратегически важном пункте на побережье залива. Явным признаком надвигающейся опасности жители Навпакта должны были считать неоднократные набеги ахейцев, которые переправлялись через залив и разоряли окрестности города, а также территорию соседнего Калидона (Polyb. V. 94. 7–9; 95. 11–12). Поэтому выступление Агелая с призывами о прекращении войны, сопровождаемое панэллинской риторикой, в данной ситуации было вполне ожидаемым.

Только ли потому, что Агелай выступал за мир и осуждал рознь между эллинами, Полибий избрал для пересказа именно эту речь из многих, прозвучавших на конференции (Polyb. V. 103. 9)? Надо полагать, что не только поэтому: подобные рассу-

Les Galates en Grece et les Soteria de Delphes. Bruxelles, 1977; Champion C. The Soteria at Delphi: Aetolian propaganda in the epigraphical record // American Journal of Philology. Vol. 116. 1995. P. 213–220.

²² Надпись с упоминанием второго по счету пребывания Агелая в должности стратега относится ко 2-й пол. 220-х гг., возможно, к 222/1 г. (см. Rigsby K. *Asyilia*. Berkeley; Los Angeles, 1996. P. 179–193).

²³ Аристон – 221/0 г., Скопас – 220/19 г., Доримах – 219/8 г., Агет – 218/7 г. (Polyb. IV. 5. 1; 27.1; 67. 1; V. 91. 1).

²⁴ О роли трихонийского клана в развязывании и ведении Союзнической войны см.: Scholten J. The politics of plunder. Aetolians and their koinon in the earle Hellenistic era, 279–217 B.C. Berkeley, 2000. P. 200–228.

²⁵ Несмотря на то, что фиванцы сами сдали город, видя, что его падение неминуемо, Филипп поступил с этой общиной крайне жестоко, продав жителей в рабство и заселив Фивы (с этого времени – Филиппополь) выходцами из Македонии. См. Polyb. V. 99–100.

дения в то время были банальностью. Историк, очевидно, обнаружил в своих источниках информации о конференции в Навпакте некий повод для того, чтобы именно к этому моменту приурочить начало *sumploke* – сцепления событий на Востоке и Западе, и этот повод был как-то связан с речью Агелая. В ином случае придется признать, что Полибий совершенно произвольно установил дату начала *sumploke*, и выступление Агелая полностью, от начала до конца – плод фантазии историка. Такой вывод представляется маловероятным. С нашей точки зрения, в подлинном тексте речи Агелая действительно были в какой-то связи упомянуты события в Италии: может быть, этолиц указывал на то, что поражение римлян развязывает Филиппу руки в Иллирии, может быть, намекал на то, что рознь между племенами Италии облегчила победу Ганнибалу²⁶, и что подобное может повториться в Элладе. Остальное – «провидческие» предсказания неизбежности дальнейшей экспансии победителя во II Пунической войне, советы Филиппу насчет возможности вступления в борьбу за мировое господство при полной поддержке эллинов, возможно, и сама метафора «тучи с Запада», скорее всего – результат творческих усилий Полибия.

TO THE QUESTION ON AUTHENTICITY OF SPEECH OF AGELAUS AT NAUPACTUS

S.K. SIZOV, N.JU. SIVKINA

¹⁾ *Nizny Novgorod
Commerce Institute,
2) *Nizny Novgorod State
University**

e-mail: siny@uic.nnov.ru

In 217 BC at Naupactus the peace between Aetolian federation and Hellenic league has been concluded. Polybius retells speech of Agelaus which has affected a position of all participants of negotiations. Therefore the question on authenticity of this speech has a great importance. Agelaus really had the reasons for speaking for the peace. But for Polybius the peace conference at Naupactus was the beginning of "coupling" of events in the east and the West.

Key words: Macedonia, Greece, Hellenism, Policy.

²⁶ Ведущие политики Этолии того времени вели обширную переписку с представителями самых разных государств и имели достаточно полную информацию о событиях в мире (см. результаты раскопок дома стратега Агета в Каллиполе, в частности, сфрагистические данные: Pantos P. *Ta sfragismata ths aitolikhs Kallipolews*. Athenai, 1985).